

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81-112.2

Ю. В. Кобенко

РОЛЬ ЯЗЫКОВОГО ВЫБОРА В РАЗВИТИИ ТИТУЛЬНОГО ЯЗЫКА

Рассмотрен феномен языкового выбора в лингвокультурологическом и социолингвистическом аспектах на примере экзогlossного характера развития литературного немецкого языка в условиях подражания американскому английскому с 1950 г.

Ключевые слова: языковой выбор, престижный язык, вынужденный и осознанный выбор языка, субъективность языкового выбора.

Языковой выбор является стержнем эволюции культурных языков, поскольку он определяет тот самый стандарт, который служит ориентиром развития определенного языка-реципиента (ЯР). Интересными для настоящей работы представляются результаты исследования Н. Б. Вахтина, в которых феномен языкового выбора рассматривается как продукт взаимодействия трех типов мотивации: *мотивации прагматического удобства, мотивации ожидания окружающих и мотивации самоидентификации* [1, с. 11]. Прагматические факторы обуславливают выбор второго или неиспользование первого языка, неоднородность языкового окружения, т. е. присутствие людей с инновационными языковыми привычками, усиливающими конфликт Своего и Чужого, а также идентификационные условия служат толчком для трансформации языковой ситуации. *Нежелание носителей говорить на титульном языке является*, по Н. Б. Вахтину, *первопричиной выбора престижного языка* [1, с. 16] и, на наш взгляд, *всех последующих преобразований эволюционного плана*.

Долгое время проблематика языкового выбора исследовалась исключительно применительно к индивиду, причем коллективный выбор рассматривался так же, как сумма индивидуальных решений в пользу употребления одного языка и отказа от другого. Так, в книге «Социолингвистика» В. И. Беликова и Л. П. Крысина можно прочесть: «...чем более престижен статус определенной группы в глазах всех членов другого социума, тем вероятнее, что именно ее язык способен служить образцом для подражания» [2, с. 103]. Утверждение того, что определенная социальная группа должна быть престижна в глазах всех членов другого социума, сомнительно по двум причинам.

Во-первых, выбор языка связан так или иначе с идентификацией членов «другого социума» с

«определенной группой». Согласно цитате, такая идентификация должна быть стопроцентной. Однако среди членов «другого социума» могут быть такие, которые не могут или не хотят признавать престижность «определенной группы». К первым могут относиться дети и несовершеннолетние, могущие вообще не идентифицировать себя с «определенной группой», ко вторым – пуристы, консерваторы, противники данной «определенной группы», асоциальные и т. п. То есть сам факт стопроцентной идентификации вряд ли возможен на практике.

Во-вторых, в эпоху политизации языковых форм, т. е. средоточия внимания на их статусе, формирование престижа и как возможное следствие выбор ориентира развития часто делаются субъектами культурной политики без учета мнений каждого отдельного члена языкового коллектива. Для этого, как правило, используются средства массовой информации. Безусловно, существует тип выбора, который принимается целым языковым коллективом, но даже в этом случае мы не вправе говорить о сумме индивидуальных решений.

Выбор другого языка является не просто количественным решением языкового коллектива (совокупным или избранным его членов), а прежде всего *попыткой устранения назревшего внутри языкового коллектива культурного конфликта или противоречия*, являющегося помехой гармоничного развития целого коллектива или какой-то его части либо даже угрозой его жизнедеятельности. Неважно, как преодолевается данный конфликт – сообща или в индивидуальном порядке: присутствует насущная потребность, и уже одно это делает ее оторефлектированной большей частью языкового коллектива. Таким образом, количественная сторона языкового выбора должна всегда рассматриваться в купе с качественной.

Итак, языковому выбору предшествует факт назревшего внутри языкового коллектива культурного конфликта или противоречия. Сам же выбор отождествляется с новым ориентиром, стандартом развития, а также отказом от определенной языковой традиции как части этноспецифики. В данном контексте традицию следует понимать как постоянный выбор Собственного. Можно сказать, что выбор Нового является определенной культурной переориентацией в пользу чего-то необходимого, что стоит за этим новым стандартом. Так, после разгрома Третьего рейха выбор, с одной стороны, русского языка, с другой – (американского) английского манифестирует отказ немцев от идеи Национального, повлекшего такое количество человеческих жертв. Преимущество космополитизма как ориентира развития перед национал-социализмом и является тем необходимым, что стоит за выбором немцами, по крайней мере, САБА – стандартного американо-британского английского (термин С. Пинкера [3]). В результате невозможность гармоничного развития и вообще существования народа Германии разрешается посредством отхождения от главного идентификатора немецкой нации – титульного языка.

Ведь если в основе создания нации лежит некий миф (греч.: *mythos* = сказание, слово) [4, с. 312], то смена языка как образующего нацию фактора выступает залогом смены ценностно-мировоззренческой системы. Таким образом, любые рассуждения о языковом выборе выходят на необходимость выделения условия или принципа национальной принадлежности.

Римское право различает три принципа последней: *ius soli* (право территории), *ius sanguinis* (право крови), *ius linguae* (право языка). По праву территории представителем нации мог считаться каждый проживающий на исторической территории этноса или пограничных (аннексированных) областях. По праву крови – тот, в чьих жилах течет не менее двух третей этнической крови. По праву языка – любой, относительно свободно говорящий на языке нации. Диктатура национал-социализма бесповоротно обесценила первые два принципа применительно к национальностям, проживающим на территории Германии, в результате чего представители национальных меньшинств сегодня могут считаться «немцами» чисто из этических соображений. По окончании Второй мировой войны выбор носителями немецкого языка САБА ознаменовал окончательный отказ от идеи Национального. САБА становится языком нового общества, свободного от расовых и национальных предрасудков, а англо-саксонский мир (с явным перевесом США) – новым ориентиром культурного развития Германии.

Естественно, нельзя утверждать, что выбор в пользу САБА был сделан всеми немцами без исключения. Для кого-то он был принудительным, а для кого-то и вовсе не состоялся. Однако те, кто так или иначе его не сделал, вынуждены существовать в новых условиях, в которых складываются новые традиции и выбор со временем становится вынужденным. До сих пор остается спорным, является ли выбор результатом культурного насилия или эмпирической предпосылкой достижения одинаковых шансов в жизни [5, с. 452].

Лингвистические дебаты о свободе выбора обострились с усилением политизации языков. Всё чаще поднимается вопрос о том, насколько свободным можно считать выбор престижного или титульного языка, если последние не являются L₁ говорящего. Культурная политика отдельных государств нередко идет вразрез с интересами личности, определяя стандарты, далекие от реалий действительности. Так, некоторые русские, живущие в Средней Азии, коверкают собственную речь, чтобы мимикрировать нерусское происхождение и тем самым не выглядеть изгоями в условиях доминирования моногенных культурных стереотипов.

Как уже отмечалось, выбор является попыткой устранения назревшего внутри языкового коллектива культурного конфликта или противоречия, могущего также быть следствием выбора, а значит, в любом выборе присутствует определенная доля волюнтаризма. Вынужденный выбор, или «насилие», как его называет Н. Б. Вахтин, есть ничто иное как предопределение развития языковой формы, а с ней и языкового коллектива или отдельных его элементов. Насилие предполагает давление престижных языков на автохтонные формы языка, а также вынужденное изменение эволюционной динамики последних. С другой стороны, социальный престиж определенных языковых форм делает выбор в их пользу, как уже говорилось, отретифицированным и поэтому относительно свободным. Можно констатировать, что *насильственный и свободный виды выбора отличаются не только степенью давления на автохтонные языки, но и степенью осознания индивидуумами языкового коллектива значимости самого факта социального престижа.*

В этой связи целесообразно различать не между насильственным и свободным выбором, а между *вынужденным и осознанным*. Так, выбор САБА для немцев после событий Второй мировой войны можно считать скорее вынужденным, ибо сам процесс денацификации предполагал принятие культурного ориентира или стандарта одной из победивших стран-союзников. Культурная доминанта США, имплицитно демократическое устройство общества, в основе которого лежит практика

успешного взаимодействия различных национальных культурных традиций, явилась тем необходимым для Германии послевоенной эпохи, что позволило успешно преодолеть назревший культурный конфликт. И напротив, присутствует некий выбор, который был сделан немцами осознанно и подразумевает активное подражание определенной культуре-донору (КД). Данный выбор связан с признанием данной КД лучшей из прочих ввиду наличия в ней объективно полезных и достойных заимствования реалий. Подобную культуру в Германии принято обозначать термином «*Leitkultur*» (нем.: *ведущая культура, лейткультура*).

Проблематика лейткультуры в Германии исследуется широким кругом ученых. В настоящее время сочетание «немецкая лейткультура» имеет негативную коннотацию, отсылающую к национал-социалистическому прошлому Германии. После так называемого «карикатурного скандала», вызвавшего необходимость создания новой платформы для диалога культур на территории Европы, вице-президент бундестага Н. Ламмерт в интервью газете «*Frankfurter Allgemeine Zeitung*» (FAZ) от 8 февраля 2006 г. подчеркнул, что целенаправленно никогда не употреблял сочетание «немецкая лейткультура», так как то, что составляет основу культуры в Германии, выходит за рамки национальных границ. «Поэтому, если понятие «лейткультура» вообще заслуживает атрибута, правильнее говорить о “европейской лейткультуре”» [6, с. 4].

Ценности европейской лейткультуры изложены Б. Тиби в труде «*Europa ohne Identität*» (1998), в числе которых исследователь называет демократию, разделение государства и религии, просвещение, права человека и гражданское общество [7, с. 154]. Какая же культура стала европейской лейткультурой и таким образом была осознанно избрана немцами в качестве ведущей?

Д. Шюмер пишет, что «наряду с американским стилем жизни, «колонизировавшим» практически всю планету, существует другая культура, которая за спиной современных проамериканских идеологий завоевала весь мир: итальянская культура. Этнологи давно констатировали, что масштабы распространения гастрономической культуры Италии несравнимы ни с какой другой аккультурацией в истории человека» [8, с. 29].

Выбор немцами итальянской культуры в качестве ведущей можно охарактеризовать как осознанный, ибо он касается тех сфер жизнедеятельности человека, которые наиболее зависимы от моды (ср. еда, одежда, музыка, отдых и пр.), но главное – выступает альтернативой более полувековой культурной доминанте США.

Естественно, различить на практике осознанный и вынужденный выбор зачастую непросто: и

вынужденный может стать осознанным, и осознанный может со временем перерасти в принуждение. Осознанный выбор всегда гораздо уже вынужденного, так как степень осмысления событий средне-статистическим человеком всегда уступает скорости их развития в реальности. Именно поэтому свобода выбора ограничена, как правило, бытовыми сферами жизнедеятельности человека. *Можно констатировать, что осознанный выбор отличается от вынужденного величиной реалий, могущих быть измененными*, т. е. преимущественно по количественному признаку. Ведь выбрать блюдо определенной кухни легче, чем язык социального престижа.

Очевидно также следующее: в определенный период развития некой культуры-реципиента (КР) (представим его как момент А) для нее престижна некоторая КД. Если престиж последней константен и интерес к данной культуре основан на потребности КР в достижении преимуществ КД, то выбор языка-донора (ЯД) симптоматичен. Сначала он представляет собой инновацию, модное течение, и заимствования из ЯД носят характер экзотизмов. Впоследствии, когда в ЯР появляется новый стиль социальной иерархии и овладение им сулит «продвижение вверх», выбор ассоциируется с престижем, становится институциональным, групповым, а в конечном итоге – индивидуальным. Чем отдаленнее по времени от момента А факт выбора (при условии сохранения престижа КД), тем он безальтернативнее. Но *выбор всегда субъективен, даже если это общественное явление и существуют объективные причины, чтобы его сделать*. Очевидно, это и пытались выразить предыдущие исследователи языкового выбора, изучавшие его в ракурсе индивидуализации. Выбор не может быть объективен хотя бы потому, что целый языковой коллектив является также субъектом физической реальности. Субъективен и выбор родного языка ребенка матерью, что легло в основу десигнаций «*Muttersprache*», «*langue maternelle*», «*mother tongue*» (нем., фр., англ.: *родной язык*), а поэтому в какой-то мере несвободный для ребенка. Субъективен и выбор любого второго языка, в том числе и иностранного, с целью духовного роста, совершенствования или приобретения соответствующего статуса.

Субъективность в свою очередь определяется социальным престижем отдельных языковых форм. Чем более престижна определенная форма языка, чем более она доминантна, тем меньше альтернатив для выбора у носителей ЯР. Поэтому на первый взгляд выгодные для ЯР характеристики престижного ЯД зачастую оказываются причиной худшего состояния ЯР по отношению к предыдущему периоду развития. Примером может служить современ-

ное состояние немецкого языка в условиях американизации. Таким образом, *наряду с концепцией языковой политики на эволюционную динамику языка существенно влияет выбор социально престижной языковой формы*. Данный выбор должен, безуслов-

но, быть коллективным, если он осознанный, или же предполагать целый коллектив, если он вынужденный, а следовательно, он должен быть отражен в концепции языковой политики определенного административно-территориального образования.

Список литературы

1. Вахтин Н. Б. Условия языкового сдвига // Вестник молодых ученых. Вып. 1. СПб., 2001. С. 11–16.
2. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2001. 439 с.
3. Pinker S. Words and Rules: The Ingredients of Language. NY.: Perennial, 1999. 349 pp.
4. Götze L. Zeitkulturen. Gedanken über die Zeit in den Kulturen. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2004. 330 S.
5. Putnam R. D. Gesellschaft und Gemeinsinn: Sozialkapital im internationalen Vergleich. Gütersloh: Verlag Bertelsmann Stiftung, 2001. S. 417–514.
6. Lammert H. Nachdenken über Leitkultur // Frankfurter Allgemeine Zeitung. Nr. 33. 2006. 8. Februar. S. 4.
7. Tibi B. Europa ohne Identität. Die Krise der multikulturellen Gesellschaft. München, 1998. 379 S.
8. Schümer D. Spaghettisiert euch. Alle Welt beklagt den amerikanischen Einfluss, doch die globale Leitkultur kommt aus Italien // Frankfurter Allgemeine Zeitung. Nr. 226. 2002. 24. September. S. 29.

Кобенко Ю. В., кандидат филологических наук, доцент.
Томский политехнический университет.
Пр. Ленина, 30, г. Томск, Томская область, Россия, 634050.
E-mail: serpentis@list.ru

Материал поступил в редакцию 22.09.2010.

Yu. V. Kobenko

THE ROLE OF LANGUAGE CHOICE IN THE DEVELOPMENT OF THE TITLE LANGUAGE

The article deals with the phenomenon of language choice in the aspects of language culture and sociolinguistics upon the example of the exoglossic development character of literary German since 1950 due to assimilation to American English.

Key words: *language choice; prestige language; forced and reflected types of language choice; subjectivity of language election.*

Tomsk Polytechnic University.
Pr. Lenina, 30, Tomsk, Tomsk region, Russia, 634050.
E-mail: serpentis@list.ru